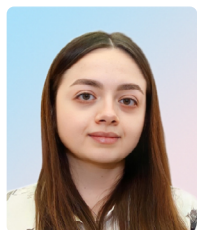

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2026.3.51.4
УДК 316.47; 332.1 | ББК 65.040

© **Белехова Г.В.**

УСТАНОВКИ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В ОТНОШЕНИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

ГАЛИНА ВАДИМОВНА БЕЛЕХОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: belek-galina@yandex.ru

ORCID: [0000-0002-6373-9043](https://orcid.org/0000-0002-6373-9043); ResearcherID: [I-8182-2016](https://orcid.org/I-8182-2016)

В условиях пространственной дифференциации, ограниченности ресурсов и новых вызовов (демографических, геополитических, климатических и т. д.) местное население становится одним из ключевых акторов преобразований локальных территорий. Соответственно, возрастает необходимость активизации участия населения в устойчивом развитии мест проживания, что требует, среди прочего, понимания ценностно-поведенческих установок граждан. Цель исследования – выявление структуры установок населения в отношении участия в устойчивом развитии локальных территорий и оценка их выраженности в зависимости от пространственной принадлежности и уровня активности. Информационная база – данные социологического опроса населения Вологодской области (N = 1500), проведенного в 2025 году. В исследовании применяются инструментарий частотного распределения и факторный анализ. Выявлена четырехкомпонентная структура установок населения: «проактивная позиция и ответственность за будущее», «локальная идентичность и готовность к личному вкладу», «конформизм и приоритет социально-экономических целей», «пассивный прагматизм». Определены различия в структуре установок между пространственными зонами: для населения ближайшего агломерационного окружения и в меньшей степени для жителей Череповца характерно более оптимальное сочетание установок (высокая проактивность и локальная идентичность, низкий конформизм и пассивный прагматизм); население агломерационной зоны отличается высокой проявленностью трех установок при существенном отставании «проактивной позиции»; жители городской и сельской периферии демонстрируют слабую сформированность большинства установок (за исключением конформизма в городской и проактивной позиции в сельской периферии). Показано, что среди активного (по самооценке) населения установки в отношении

устойчивого развития характеризуются более высокой проявленностью. Проведенное исследование вносит вклад в расширение научных представлений о ценностных основаниях включения населения в практики устойчивого развития.

Устойчивое развитие, население, агломерация, гражданское участие, факторный анализ, локальная идентичность.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10168, <https://rscf.ru/project/24-78-10168/>.

Устойчивое развитие, согласно классическому определению, предложенному в докладе Брундтланд¹ и получившему дальнейшую конкретизацию в работах других исследователей, представляет собой гармонизацию социальной, экономической и экологической подсистем, направленную на поиск путей удовлетворения потребностей настоящего и будущих поколений (Ускова, 2020). В рамках повестки ООН до 2030 года особое место занимает 11-я цель устойчивого развития (ЦУР) – «Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов» (кратко – «Устойчивые города и населенные пункты»). Как отмечается, «устойчивое развитие территорий требует комплексного и многоуровневого подхода, который не может быть реализован только усилиями государственных структур» (Короленко и др., 2025). Такое преобразование требует вовлеченных и активных местных сообществ. Соответственно, реализация этой цели устойчивого развития на локальном уровне невозможна без активного вовлечения населения, поскольку его тесные связи с территорией проживания, повседневные общественно полезные практики, ресурсы и готовность к коллективным действиям во многом определяют успех или неудачу инициатив органов власти и общественных организаций (Pawłowska et al., 2025). В научной литературе все чаще подчеркивается, что население выступает не пассивным получателем благ, а одним из ключевых акторов экосистем устойчиво-

го развития территорий (городов, сельских территорий) наряду с органами власти, бизнесом и некоммерческими организациями (Желнина, Тыканова, 2019; Dlouhá et al., 2022, Смолева, Косыгина, 2024).

Участие граждан – достаточно широкое понятие, подразумевающее вовлеченность в процесс принятия решений и в дела сообщества, что позволяет гражданам играть важную роль в формировании и реализации различных инициатив, способствуя общему развитию и благополучию территории (Landa Oregi et al., 2026). В российских исследованиях (гражданское) участие зачастую разделяется на политическую (вертикальное взаимодействие с властью) и социальную (горизонтальное взаимодействие в пространстве повседневности) формы (такие практики, как коллективное благоустройство, соседская взаимопомощь, волонтерство, участие в работе ТОСов и др.) (Уханова, 2021; Шабунова и др., 2023). При этом отмечается недостаток активного участия граждан в общественных процессах (Артамонова, Уханова, 2021; Колпина, 2018; Петухов, 2014).

Важно подчеркнуть, что для самого населения большинство практик, которые объективно способствуют устойчивому развитию территории (благоустройство двора, участие в экологических акциях, поддержка местных инициатив, работа в ТОСах и пр.), могут никак не связываться с абстрактной идеей устойчивости. Люди включаются в такие практики или не включаются, делают это регулярно или эпизодически, руко-

¹ Брундтланд – доклад «Наше общее будущее». Развитие и международное экономическое сотрудничество: проблемы окружающей среды. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития // ООН. URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>

водствуясь самыми разными мотивами – от желания улучшить среду своего обитания до чувства долга или, напротив, конформизма. При этом для стимулирования участия населения в проектах местной власти и в инициативах, направленных на устойчивое развитие локальных территорий, важно понимать факторы вовлеченности граждан, среди которых не только социально-демографические и экономические характеристики (возраст, образование, доход, тип занятости и пр.), информационные, институциональные или ресурсные барьеры, но и ценностные установки по поводу участия в общественной деятельности.

Соответственно, цель исследования состоит в выявлении структуры установок населения в отношении участия в устойчивом развитии локальных территорий. Это позволит оценить выраженность конкретных установок среди групп населения, различающихся по самооценке участия в практиках улучшения жизни в населенном пункте, а также определить территориальную специфику проявленности данных установок.

В рамках гипотезы исследования предполагается, что структура установок населения в отношении устойчивого развития локальных территорий и реализации соответствующих практик многомерна и включает как проактивные, так и пассивные компоненты. При этом проактивные установки (связанные с ответственностью, коллективными действиями, лояльностью территории и пр.) более выражены среди населения, вовлеченного в те или иные практики улучшения жизни в населенном пункте, а выраженность установок в целом различается в зависимости от типа пространственной принадлежности территории.

Обзор литературы

В зарубежных и российских исследованиях, затрагивающих проблематику гражданского участия, в том числе в контексте устойчивого развития и решения экологических проблем, выделяются разнообразные факторы, детерминирующие вовлеченность населения в те или иные практики. Отдельные

работы посвящены комплексной систематизации факторов на основе критического обзора научной литературы, в результате чего выводится многоуровневая система факторов: 1) индивидуальные факторы, такие как личный интерес, личный вклад, самоэффективность, личностные характеристики; 2) коллективные факторы, определяющие возможности социального сплочения: чувство принадлежности, социальные связи, доверие; 3) институциональные факторы, например прозрачность процедур, доверие властям, административные инструменты и пр. (Landa-Oregi et al., 2026). При этом в качестве наиболее значимых детерминант указываются личный интерес, личные знания и человеческие связи (Landa-Oregi et al., 2026). Кроме того, подчеркивается, что устойчивое развитие сообщества и решение не только экономических, но и экологических задач невозможно без активного участия населения, поддерживаемого такими факторами, как социальный капитал, наличие неформальных связей, высокий уровень межличностного доверия, независимость от внешних решений (Mia et al., 2022).

Особое внимание уделяется факторам социальных связей, отношения к территории проживания, чувства гражданской ответственности. Некоторые исследования показывают, что доверие к соседям (один из аспектов социальных связей) не оказывает прямого положительного влияния на намерение участвовать в локальной жизни, тогда как соседская дружба (количество и качество межличностных связей) имеет прямое и косвенное (через усиление привязанности к месту и чувства гражданской ответственности) положительное влияние на включенность в развитие территории проживания (Dang et al., 2022). Обнаружено, что привязанность к месту позитивно влияет на гражданскую ответственность – люди, чувствующие связь со своим районом, проявляют большую готовность к участию в добровольных действиях (Dang et al., 2022; Nie, Feng, 2026). В российской практике активные жители также значительно чаще, чем пассивные, испытывают позитивные чувства к своему городу / селу

(Ukhanova et al., 2024). Кроме того, как показано на примере муниципальных и сельских округов Волгоградской области, общность в оценке основных проблем, самоидентификация с локальной территориальной общностью, социальная солидарность и тесная коммуникация в местных сообществах являются значимыми ресурсами гражданского активизма (Одинцов, 2020).

Помимо межличностных аспектов рассматривается влияние институциональных предикторов. Отмечается, что участие населения в локальных практиках зачастую ограничивается институциональными структурами, особенностями властных отношений на данной территории и, как следствие, отчуждением от местной власти, отсутствием веры в возможность повлиять на ее решения (Петухов, 2014). Для преодоления низкой вовлеченности граждан в таком случае необходимы сильные посредники (активисты, НКО), предоставляющие альтернативные средства для достижения результатов устойчивого развития, часто посредством укрепления доверия, мобилизации ресурсов и развития знаний (Kiss et al., 2022).

На индивидуальном уровне значимыми детерминантами активного участия населения в практиках устойчивого развития оказываются социально-демографические характеристики. В частности, в исследовании гражданской активности старшего поколения показано, что на нее влияют не столько состояние здоровья и уровень материального достатка, сколько патристическо-коллективистское сознание данной группы населения и ее ориентация на отношения добрососедства (Колпина, 2018). Интересные выводы получены итальянскими исследователями, выявившими, что географическая близость к людям с другим социально-экономическим статусом (по уровню дохода или образования) снижает готовность индивида к гражданской активности. Иными словами, чем ближе человек живет к тем, кто отличается от него по статусным параметрам, тем

меньше вероятность его участия в волонтерской деятельности (Andriani et al., 2023).

Таким образом, в научной литературе представлены разнообразные факторы и детерминанты гражданской активности населения и его включенности в решение проблем территории проживания, причем особое внимание уделяется индивидуальным и межличностным аспектам. В то же время недостаточно исследована комплексная структура ценностных установок населения в отношении устойчивого развития локальных территорий, во многом определяющая вовлеченность жителей в различные форматы гражданского участия.

Методика исследования и информационная база

Эмпирическую базу исследования составили данные репрезентативного социологического опроса населения «Экосистемы устойчивого развития», проведенного Вологодским научным центром РАН в ноябре – декабре 2025 года. Сбор данных осуществлялся методом раздаточного анкетирования населения на территории Вологодской области. Объем выборки – 1500 респондентов от 18 лет и старше. Тип выборки – многоступенчатая стратифицированная квотная выборка, обеспечивающая репрезентативность данных как на уровне крупных городов, так и на уровне муниципальных округов и отдельных населенных пунктов. Выборка сформирована с соблюдением пропорций по полу и возрасту населения, пропорций между городскими и сельскими жителями. Анкетирование проводилось на территории 14 населенных пунктов: двух крупных и четырех малых городов, восьми сельских населенных пунктов². Отбор населенных пунктов осуществлялся в соответствии с агломерационным подходом (Попов и др., 2024), согласно которому локальные территории региона разделены на следующие группы: ядра агломераций (г. Вологда, г. Череповец);

² Итоговая выборка (число респондентов). Крупные города: Вологда – 396, Череповец – 396; малые города: Великий Устюг – 147, Сокол – 120, Бабаево – 91, Кадников – 49; сельские населенные пункты: с. Тарногский городок – 94, пос. Новатор – 42, с. Борисово-Судское – 41, д. Чекишино – 33, д. Володино – 23, д. Слуда – 23, с. Усть-Алексеево – 23, с. Спасский Погост – 22.

агломерационная зона (Сокольский муниципальный округ (МО)) и ближайшее агломерационное окружение (Бабаевский МО), которые имеют общую границу с агломерационной зоной или расположены от нее через одно муниципальное образование (соседи I и II порядка); региональная периферия, т. е. территории, наиболее удаленные от ядер (соседи III и IV порядка): городская (Великоустюгский МО) и сельская (Тарногский МО). Ошибка выборки не превышает 5% на уровне региона.

В рамках данного исследования мы рассматриваем население как носителя специ-

фических ценностных ориентаций (поведенческих установок), непосредственно связанных с устойчивым развитием локальных территорий. К ним, на наш взгляд, можно отнести следующие измерения: ориентация на будущее, готовность к кооперации, восприятие эффективности действий, готовность к личным жертвам и компромиссам, локальная идентичность. Для операционализации установок используется оценка степени согласия с набором утверждений, отражающих обозначенные ценностные ориентации (по три утверждения на каждое измерение; табл. 1).

Таблица 1. Дизайн вопроса «Оцените по пятибалльной шкале, насколько Вы согласны со следующими утверждениями? (отметьте один вариант ответа в каждой строке по шкале: 1 – категорически не согласен, 2 – скорее не согласен, 3 – трудно сказать, 4 – скорее согласен, 5 – полностью согласен)»

Утверждение	Группировка
01 – Принимая решения сегодня, я стараюсь думать о том, какие последствия они могут иметь через 10–20 лет	Ориентация на будущее
02 – Мы, нынешнее поколение, должны жить сегодня так, чтобы не лишать будущие поколения возможности жить хорошо и комфортно	
03 – Я готов(а) поддерживать и участвовать в проектах по развитию населенного пункта (озеленение, экологические инициативы, культурные проекты и пр.), даже если их результаты станут видны только через несколько лет	
04 – Решение многих проблем населенного пункта требует совместных усилий населения, органов власти, бизнеса, НКО и других сторон, а не только действий каждого по отдельности	Готовность к кооперации (коллективизм / индивидуализм)
05 – Личный вклад каждого человека важен для решения проблем населенного пункта	
06 – Если я вижу, что большинство соседей / людей из моего окружения не участвует в улучшении двора или в общественных инициативах, то я тоже не буду этого делать	
07 – Я уверен(а), что активные действия жителей могут реально изменить жизнь к лучшему в населенном пункте	Восприятие эффективности действий
08 – Инициативы местных жителей по благоустройству бесполезны, так как большинство из них все равно заблокируют власти или чиновники	
09 – Если местные / муниципальные / региональные власти игнорируют проблему, то ее невозможно решить силами одних лишь жителей	
10 – Экономический рост, создание рабочих мест, социальное развитие населенного пункта важнее, чем сохранение природы / забота об экологии	Готовность к личным жертвам и компромиссам
11 – Я готов(а) тратить свое личное время на общественные работы по благоустройству, волонтерство или общественные инициативы, даже если это не принесет прямой выгоды лично мне	
12 – Я готов(а) к некоторым неудобствам (отказаться от некоторых привычек, ухудшающих экологию; платить немного больше за коммунальные услуги и пр.), если это поможет решению проблем и развитию моего населенного пункта	
13 – Я чувствую, что являюсь неотъемлемой частью жизни моего населенного пункта, а не просто сторонним наблюдателем	Локальная идентичность
14 – Мне было бы очень тяжело и трудно уехать отсюда навсегда, даже если бы представилась такая возможность	
15 – Для меня важно, что думают о моем населенном пункте жители других мест; я испытываю гордость, когда слышу позитивные новости / отзывы	
Источник: составлено автором.	

Первое измерение – ориентация на будущее – характеризует один из основных, «родовых» признаков устойчивости, состоящий в учете потребностей будущих поколений и долгосрочных последствий принимаемых решений, а также оценивает готовность к отложенному результату. Второе измерение – готовность к кооперации (коллективизм / индивидуализм) – отражает соотношение между осознанием необходимости совместных действий и ориентацией на поведение большинства. Третье измерение – восприятие эффективности действий – раскрывает соотношение между убежденностью в возможности влияния на жизнь в населенном пункте и доминированием институциональных барьеров. Четвертое измерение – готовность к личным жертвам и компромиссам – показывает способность выйти за рамки сугубо личных интересов и краткосрочной выгоды, а также готовность к определенным неудобствам при осуществлении некоторых практик. Пятое измерение – локальная идентичность – определяет чувство принадлежности к конкретному месту, которое может стать основой долгосрочной вовлеченности в его развитие.

Отметим, что предлагаемая группировка утверждений является сугубо инструментальной и необходима для обоснования логики построения анкетного вопроса. Выделение групп ценностных ориентаций (установок) в отношении устойчивого развития локальных территорий в данном исследовании проводится с помощью факторного анализа, позволяющего сократить множество вариантов ответа до небольшого числа смысловых категорий. Также для описания результатов используется метод частотного распределения признаков, а для оценки статистической значимости и силы связей – критерии хи-квадрат и V Крамера. Обработка данных опроса выполнена в программах SPSS Statistics и MS Excel.

Результаты исследования

Согласно результатам опроса, менее трети респондентов (29%) относят себя к активным³ участникам деятельности по улучшению жизни в собственном населенном пункте. Большинство же (71%) оценивают свою позицию как пассивную⁴. Наиболее высокая доля респондентов, указывающих на активную позицию и вовлеченность в жизнь своего населенного пункта, фиксируется в зонах, тяготеющих к ядрам агломераций, т. е. в агломерационной зоне (55%) и ближайшем агломерационном окружении (60%; *рис. 1*). На противоположном полюсе находится сельская периферия, в которой доля опрошенных с активной позицией минимальна среди всех рассматриваемых территорий (9%). Особняком стоят ядра агломерации: в административном (г. Вологда) и промышленном (г. Череповец) центрах уровень активности населения заметно ниже, чем в окружающих их зонах (20 и 22% соответственно), что сопоставимо с показателями по городской периферии (23%).

Такая самооценка соотносится с фактическими действиями: чем ниже респонденты оценивают свою активность, тем в меньшем числе практик устойчивого развития они участвуют. В группе «активных» в среднем упоминается 10 практик, у «скорее активных» их уже 8, у «скорее пассивных» – 4, а у «пассивных» – всего 2⁵. В разрезе пространственных зон среднее количество реализуемых практик варьируется от 1 в сельской периферии до 7 в агломерационной зоне (АЗ) и 8,7 в ближайшем агломерационном окружении (БАО). Доля тех, кто фактически не реализует ни одной из предложенных в анкете практик общественной активности, составляет 31% в среднем по опросу, что сопоставимо с данными других исследований (Алмакаева, Настина, 2023). Больше всего таких респондентов в сельской

³ Формулировка вопроса: «Как бы Вы оценили степень Вашего участия в деятельности по улучшению жизни в Вашем населенном пункте? (дайте один ответ)» (варианты ответа: «активное», «скорее активное», «скорее пассивное», «пассивное»). Объединены варианты ответов «активное» и «скорее активное».

⁴ Объединены варианты ответов «пассивное» и «скорее пассивное».

⁵ Формулировка вопроса: «В каких практиках улучшения жизни Вы готовы участвовать и/или участвуете в повседневности?» (закрытый вопрос – перечень из 25 практик; варианты ответа: готов и участвую; готов, но не участвую; не готов и не участвую; затрудняюсь ответить). Среднее число практик подсчитано по ответу «готов и участвую».

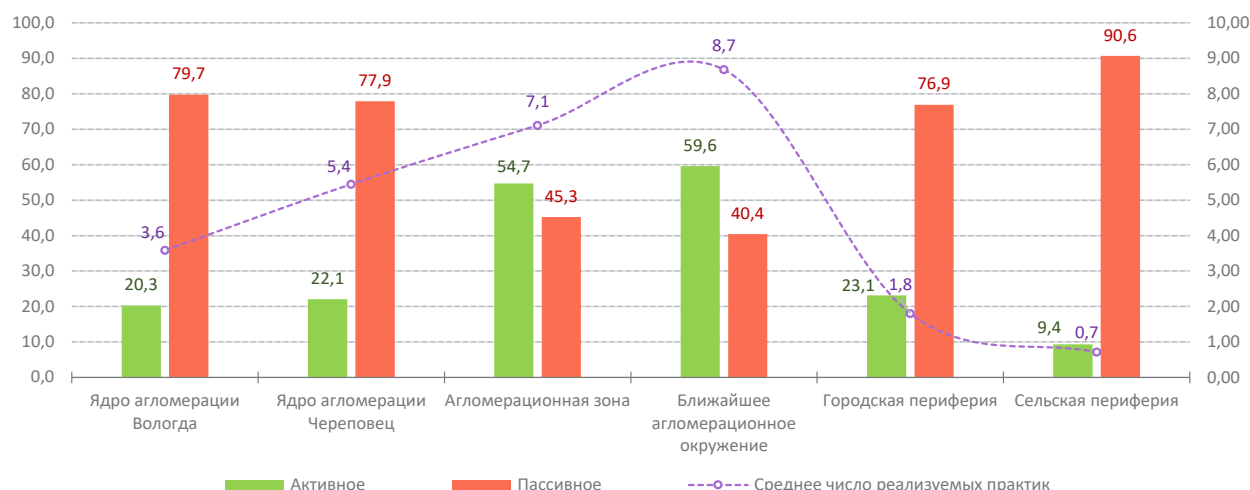

Рис. 1. Самооценка населением активности участия в деятельности по улучшению жизни в населенном пункте и среднее число реализуемых практик в разрезе пространственных зон, % от числа опрошенных

Примечание: «активное» – объединены варианты ответов «активное» и «скорее активное», «пассивное» – объединены варианты ответов «скорее пассивное» и «пассивное».

(71%) и городской (56%) периферии, заметно меньше – в Вологде (38%), а наименьшая доля не включенных в практики улучшения жизни в населенном пункте фиксируется в Череповце (9%), АЗ (16%) и БАО (18%).

Анализ ответов на утверждения об участии в устойчивом развитии локальных территорий показывает, что в большей

степени население разделяет тезисы о базовом критерии устойчивого развития (забота о будущих поколениях), ориентации на долгосрочные цели и необходимости коллективной ответственности (рис. 2). С данными утверждениями (№ 1–5 и 7) в той или иной степени согласны более 50% опрошенных. Напротив, наименьшую под-

Рис. 2. Степень согласия с утверждениями об участии в устойчивом развитии локальных территорий*, % от числа опрошенных

* Ранжировано по варианту «согласен».

Примечание: «не согласен» – объединены варианты ответов «категорически не согласен» и «скорее не согласен», «согласен» – объединены варианты ответов «скорее согласен» и «полностью согласен».

держку (32–36%) получили суждения о необходимости личного вклада и затрат личных ресурсов (№ 11–12), ориентации на поведение ближайшего окружения (№ 6), а также о приоритете экономического и социального развития над решением экологических задач (№ 10). Другими словами, пассивная позиция, конформизм и сугубо прагматическая ориентация выражены достаточно умеренно. Согласие с утверждениями о лояльности территории проживания (№ 13–15) и ограничивающей роли институциональных барьеров (№ 8–9) находится на срединном уровне (40–50%). Таким образом, в массовом сознании декларативные тезисы об ориентации на будущее и важности коллективных действий

выражены сильнее, тогда как готовность к непосредственному личному участию и преодолению административных ограничений разделяется заметно меньшей долей населения.

Прослеживаются различия в степени согласия с рассматриваемыми утверждениями между пространственными зонами, причем все выявленные различия статистически значимы (хи квадрат $p < 0,001$), а значения критерия V Крамера варьируются от 0,194 до 0,320, что свидетельствует о средней силе связи (табл. 2). Особенно выделяется агломерационная зона: жители населенных пунктов, входящих в ее состав, демонстрируют наибольший уровень согласия (более 85%) со всеми суждениями, как проактивными,

Таблица 2. Степень согласия с утверждениями об участии в устойчивом развитии локальных территорий в разрезе пространственных зон (сумма вариантов «полностью согласен» и «скорее согласен»)*, % от числа опрошенных

Утверждение (сокращенная формулировка)	Пространственная зона						V Крамера**
	ЯАВ	ЯАЧ	АЗ	БАО	ГП	СП	
02 – Нынешнее поколение не должно лишать будущие поколения возможности жить хорошо	58,1	53,3	87,6	79,4	51,2	35,3	0,221
05 – Важен личный вклад каждого человека	56,7	44,8	86,1	74,8	34,4	41	0,212
04 – Необходимы совместные усилия населения, органов власти, бизнеса, НКО	48	55,7	86,1	68,4	25,5	38,1	0,229
07 – Уверен, что активные действия жителей могут реально изменить жизнь	50	41,8	86,6	67,1	34	48,9	0,194
03 – Готов участвовать в проектах с отложенным результатом	43,4	48,7	88,1	77,4	39,2	23	0,214
01 – Думаю о последствиях действий	50,8	47,5	87,1	75,5	18,9	33,1	0,240
15 – Важно мнение других о моем населенном пункте	47	58,3	88,1	42,9	19	33,1	0,253
14 – Мне было бы трудно уехать	40,9	48,2	86,1	56,8	19,8	33,1	0,238
09 – Если власти игнорируют проблему, то ее не решить силами жителей	44,9	45,8	87,6	21,9	32,1	9,4	0,294
13 – Чувствую себя неотъемлемой частью населенного пункта	30,6	39,6	85,6	47,7	25,5	4,3	0,295
08 – Инициативы жителей бесполезны – их заблокируют власти	34,6	39,1	86,6	12,3	31,1	10,8	0,303
06 – Если большинство не участвует, то я тоже не буду этого делать	32,7	16,8	86,6	45,2	31,1	22,3	0,276
11 – Готов тратить личное время на общественные инициативы, даже если это не принесет прямой выгоды лично мне	31,3	21,7	86,6	49	24,5	9,4	0,260
12 – Готов к неудобствам, если это поможет решению проблем	26,3	26,8	87,1	45,8	21,2	6,5	0,261
10 – Экономический рост и социальное развитие важнее, чем забота об экологии	34,6	17,7	87,1	16,1	25	11,6	0,320

* Утверждения ранжированы по распределению ответов в среднем по опросу.

** По всем утверждениям различия между пространственными зонами статистически значимы (хи-квадрат $p < 0,001$).

Обозначения здесь и далее: ЯАВ – ядро агломерации г. Вологда, ЯАЧ – ядро агломерации г. Череповец, АЗ – агломерационная зона, БАО – ближайшее агломерационное окружение, ГП – городская периферия, СП – сельская периферия.

Примечание: окрашивание ячеек в зависимости от степени согласия с утверждениями выполнено автоматическими средствами MS Excel (более насыщенный цвет соответствует большей доле согласных).

так и отражающими пассивные ориентации (конформизм) и ограничивающее влияние решений органов власти. Можно говорить о достаточно благоприятном ценностном поле в отношении устойчивого развития в агломерационной зоне, что соотносится с выявленной ранее высокой вовлеченностью населения АЗ в деятельность по улучшению жизни в своем населенном пункте (по самооценке и по количеству практик). При этом разделение тезисов о конформизме («если большинство не участвует, то я тоже не буду этого делать») и административных препятствиях в реализации инициатив преобладающей частью населения АЗ может указывать на прагматично-рациональные основания его поведения.

Для жителей ближайшего агломерационного окружения, сопоставимых с населением агломерационной зоны по самооценке активности и числу реализуемых практик, также характерен высокий уровень согласия с проактивными утверждениями об ориентации на будущее и необходимости коллективных действий. Однако заметно меньшая доля населения (43–57%) разделяет суждения о готовности к затратам личных ресурсов и привязанности к территории проживания. При этом в БАО фиксируется наименьший среди всех рассматриваемых пространственных зон уровень согласия с тезисами о сдерживающей роли административных барьеров.

Население ядер агломераций – Вологды и Череповца – более сдержанно в оценках и демонстрирует меньший уровень согласия (менее 60%) по сравнению с жителями агломерационной зоны и ближайшего агломерационного окружения. Самые разделяемые утверждения – об ориентации на будущее, необходимости и готовности к кооперации для решения проблем, а также о привязанности к территории проживания (последняя более выражена в Череповце). В то же время в промышленном центре (Череповец) уровень согласия с тезисами о готовности включаться в коллективные действия без личной выгоды и о приоритете социально-экономического развития над решением экологи-

ческих проблем заметно ниже, чем в административном центре (Вологда), что может говорить о более критичном восприятии череповчанами общественных инициатив и о важности для них заботы об экологии, особенно в контексте хозяйственно-экономической деятельности города.

Наиболее низкие уровни согласия наблюдаются в городской и сельской периферии. Стоит отметить, что по большинству предложенных утверждений население этих пространственных зон в принципе затруднилось с однозначным ответом (45–85% выбирали вариант «трудно сказать, согласен или нет»), что можно рассматривать как несформированность стабильных ценностных установок в отношении участия в деятельности по устойчивому развитию территории проживания.

Закономерно степень согласия с утверждениями различается между группами населения, выделенными по самооценке активности участия в практиках устойчивого развития; обнаруженные различия статистически значимы (хи квадрат $p < 0,001$), однако сила связи варьируется от слабой до средней (значения критерия V Крамера находятся в диапазоне 0,177–0,346; табл. 3). Для респондентов, оценивающих себя как активных или скорее активных участников деятельности по улучшению жизни в населенном пункте, характерен более высокий уровень согласия с проактивными утверждениями, включающими ориентацию на будущее, признание необходимости совместных усилий разных акторов, готовность к затратам личных ресурсов и включению в коллективные действия. Жители, оценивающие свою вовлеченность как пассивную, напротив, заметно реже задумываются о долгосрочных последствиях, менее привязаны к месту проживания, воспринимают административные барьеры как серьезное препятствие для коллективных действий, не готовы тратить личное время и идти на неудобства ради общественных целей. В связи с этим невысокий конформизм, фиксируемый среди пассивной части населения (утверждение № 6; 26% против 54% среди ак-

Таблица 3. Степень согласия с утверждениями об участии в устойчивом развитии локальных территорий в разрезе самооценки активности участия (сумма вариантов «полностью согласен» и «скорее согласен»)*, % от числа опрошенных

Утверждение (сокращенная формулировка)	Самооценка активности		V Крамера**
	активные («активное» + «скорее активное»)	пассивные («пассивное» + «скорее пассивное»)	
02 – Нынешнее поколение не должно лишать будущие поколения возможности жить хорошо	70,9	43,1	0,250
05 – Важен личный вклад каждого человека	79,0	52,1	0,262
04 – Необходимы совместные усилия населения, органов власти, бизнеса, НКО	75,1	42,4	0,202
07 – Уверен, что активные действия жителей могут реально изменить жизнь	69,0	46,7	0,220
03 – Готов участвовать в проектах с отложенным результатом	75,2	46,4	0,302
01 – Думаю о последствиях действий	57,3	27,0	0,261
15 – Важно мнение других о моем населенном пункте	68,8	45,4	0,180
14 – Мне было бы трудно уехать	49,0	33,3	0,203
09 – Если власти игнорируют проблему, то ее не решить силами жителей	54,1	39,1	0,177
13 – Чувствую себя неотъемлемой частью населенного пункта	48,6	25,0	0,264
08 – Инициативы жителей бесполезны – их заблокируют власти	60,4	24,6	0,181
06 – Если большинство не участвует, то я тоже не буду этого делать	53,6	26,0	0,294
11 – Готов тратить личное время на общественные инициативы, даже если это не принесет прямой выгоды лично мне	57,5	31,2	0,346
12 – Готов к неудобствам, если это поможет решению проблем	62,5	40,3	0,280
10 – Экономический рост и социальное развитие важнее, чем забота об экологии	63,5	44,3	0,231
* Утверждения ранжированы по распределению ответов в среднем по опросу.			
** По всем утверждениям различия между самооценкой активности участия значимы (хи-квадрат $p < 0,001$).			
Примечание: окрашивание ячеек в зависимости от степени согласия с утверждениями выполнено автоматическими средствами MS Excel (более насыщенный цвет соответствует большей доле согласных).			

тивных), может быть интерпретирован не как положительный аспект, а как отражение общей низкой вовлеченности в проблемы собственного населенного пункта. В целом активные респонденты существенно чаще разделяют ценности устойчивого развития, причем не только в аспекте декларируемой солидарности, но и в плане готовности к реальным действиям.

С целью обосновать целесообразность факторного анализа для выявления структуры установок населения в отношении устойчивого развития локальных территорий была проведена оценка статистической значимости различий в ответах респондентов на 15 утверждений. Поскольку все утвержде-

ния относятся к порядковой шкале и одной группе респондентов (связанные выборки), был использован непараметрический критерий Фридмана, не требующий нормального распределения. Согласно рассчитанному критерию Фридмана, различия между средними рангами 15-и утверждений являются статистически значимыми ($\chi^2 = 1243,273$; $df = 14$; $p < 0,001$), что свидетельствует об их содержательном различии.

Факторный анализ проведен при помощи метода главных компонент и ортогонального вращения Варимакс с нормализацией Кайзера. Проверка статистических критериев свидетельствует о пригодности выборки для факторизации и наличии систематиче-

Таблица 4. Матрица установок населения в отношении участия в устойчивом развитии локальных территорий

Вариант ответа (переменная)	Наименование установки			
	Проактивная позиция и ответственность за будущее	Локальная идентичность и готовность к личному вкладу	Конформизм и приоритет социально-экономических целей	Пассивный прагматизм (неучастие и приоритет внешних барьеров)
02 – Мы должны жить сегодня так, чтобы не лишать будущие поколения возможности жить хорошо и комфортно	0,866			
03 – Я готов(а) поддерживать и участвовать в проектах по развитию населенного пункта, даже если их результаты станут видны только через несколько лет	0,760			
01 – Принимая решения сегодня, я стараюсь думать об их последствиях через 10-20 лет	0,755			
04 – Решение многих проблем населенного пункта требует совместных усилий населения, органов власти, бизнеса, НКО	0,742			
05 – Личный вклад каждого человека важен для решения проблем населенного пункта	0,734			
07 – Я уверен(а), что активные действия жителей могут изменить жизнь к лучшему в населенном пункте	0,605			
13 – Я чувствую, что являюсь неотъемлемой частью жизни моего населенного пункта		0,820		
14 – Мне было бы тяжело и трудно уехать отсюда навсегда		0,784		
15 – Для меня важно, что думают о моем населенном пункте жители других мест		0,732		
12 – Я готов(а) к некоторым неудобствам, если это поможет развитию населенного пункта		0,699	0,450	
11 – Я готов(а) тратить свое время на волонтерство и общественные инициативы без прямой выгоды лично мне		0,641	0,483	
06 – Если я вижу, что большинство людей не участвует в общественных инициативах, то я тоже не буду этого делать			0,822	
10 – Экономическое развитие важнее, чем сохранение природы / забота об экологии			0,699	0,426
08 – Инициативы местных жителей бесполезны, так как их заблокируют власти				0,838
09 – Если власти игнорируют проблему, то ее невозможно решить силами одних лишь жителей				0,743
Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера. Примечание: цветом выделены ячейки с наибольшим вкладом переменной в соответствующий компонент; более светлым цветом выделены ячейки со вторичным вкладом переменной; выведены коэффициенты со значениями свыше 0,4; коэффициенты внутри компонента отсортированы по величине.				

ских взаимосвязей между переменными⁶. Всего было извлечено 4 компонента, отражающих установки населения относительно устойчивого развития локальных территорий и участия в деятельности по улучшению

жизни в населенном пункте, объясняющих совокупно 69% общей дисперсии исходных переменных, что является удовлетворительным результатом для социально-психологических измерений (табл. 4).

⁶ Мера адекватности выборки Кайзера – Мейера – Олкина составила 0,848, что свидетельствует о высокой применимости факторного анализа. Критерий сферичности Бартлетта ($\chi^2 = 11397,580$; $df = 105$; $p = 0,000$) показывает, что корреляции между переменными значимо отличаются от нуля. Это подтверждает наличие систематических взаимосвязей между переменными и обоснованность применения факторного анализа.

Первый компонент объясняет 38,6% суммарной дисперсии, второй – 12,1%, третий – 9,8%, четвертый – 8,5%. На основе смыслового содержания переменных и факторных нагрузок установки получили следующие условные обозначения:

1) «проактивная позиция и ответственность за будущее» – объединяет утверждения, отражающие ориентацию на будущее, понимание последствий принимаемых решений, готовность к участию и совместным действиям, убежденность в эффективности коллективных действий; такая установка является благоприятной для формирования практик участия в устойчивом развитии локальных территорий и может рассматриваться как ценностное ядро активности населения;

2) «локальная идентичность и готовность к личному вкладу» – включает пять утверждений, отражающих отношение к месту проживания и готовность к личному включению в коллективные действия (т. е. готовность тратить личное время на общественные инициативы, готовность к некоторым неудобствам); данная установка показывает, что эмоциональная связь с территорией проживания, привязанность к ней выступают мотивационной основой для готовности вкладывать личные ресурсы в совместное решение проблем населенного пункта и вовлеченности в практики устойчивого развития;

3) «конформизм и приоритет социально-экономических целей» – включает утверждения об ориентации на окружение (включенность только при наличии внешнего примера) и о классической дилемме устойчивого развития – приоритет социально-экономического роста или экологических ограничений; есть вторичные нагрузки по переменным личного вклада и готовности к неудобствам: данная установка не исключает активность как таковую, поэтому в случае включения в коллективные практики индивид будет вынужден учитывать общественные цели и тратить свои ресурсы; выделенная установка характеризует пассивно-адаптивную позицию, т. е. ориентацию людей на поведение ближайшего окружения, реали-

зуемую через призму социально-экономического развития, а не долгосрочных экологических последствий; соответственно, эта установка может сдерживать вовлеченность населения в улучшение жизни в населенном пункте, в особенности участие в экоориентированных практиках;

4) «пассивный прагматизм» (неучастие и приоритет внешних барьеров) – помимо двух утверждений, отражающих восприятие институциональных барьеров, а именно убеждение в бесполезности инициатив местных жителей из-за блокировки властями (№ 8) и мнение о невозможности решить проблемы без участия власти (№ 9), сюда также вошло утверждение о приоритете экономического развития над сохранением природы (№ 10); следовательно, данная установка отражает определенный скептицизм в отношении эффективности общественных инициатив. Респонденты с высокими значениями по данному компоненту, с одной стороны, не верят в возможность реальных изменений путем общественных действий из-за административных барьеров, а с другой – полагают, что экономическое развитие важнее экологических ограничений. Данная установка может выступать препятствием для вовлечения населения в практики устойчивого развития, поскольку блокирует как мотивацию к участию, так и принятие важности экологических задач.

Для проверки внутренней согласованности (надежности) выделенных установок (чтобы показать, что вопросы, вошедшие в одну установку, действительно согласованы между собой) был рассчитан коэффициент альфы Кронбаха. Установка 1 «Проактивная позиция и ответственность за будущее» (6 утверждений) и установка 2 «Локальная идентичность и готовность к личному вкладу» (5 утверждений) демонстрируют хорошую надежность ($\alpha = 0,869$ и $\alpha = 0,859$ соответственно). Установка 3 «Конформизм и приоритет социально-экономических целей» (4 утверждения) и Установка 4 «Пассивный прагматизм» (3 утверждения) характеризуются приемлемой надежностью ($\alpha = 0,747$ и $\alpha = 0,654$ соответственно).

Таблица 5. Высокий уровень проявленности установок относительно участия в устойчивом развитии локальных территорий в разрезе пространственных зон, %

Наименование установки	Пространственная зона						Хи квадрат, V Крамера
	ЯАВ	ЯАЧ	АЗ	БАО	ГП	СП	
Проактивная позиция и ответственность за будущее	34,8	40,5	27,7	64,3	4,8	26,8	$\chi^2 = 264,3$, df = 10, p < 0,001, V = 0,298
Локальная идентичность и готовность к личному вкладу	23,1	39,2	77,7	39,0	12,4	6,5	$\chi^2 = 321,6$, df = 10, p < 0,001, V = 0,329
Конформизм и приоритет социально-экономических целей	33,5	14,7	86,6	19,5	39,5	13,0	$\chi^2 = 484,1$, df = 10, p < 0,001, V = 0,404
Пассивный прагматизм (неучастие и приоритет внешних барьеров)	34,5	32,5	82,7	6,5	17,1	14,5	$\chi^2 = 377,6$, df = 10, p < 0,001, V = 0,356
Примечание: окрашивание ячеек в зависимости от степени проявленности установки выполнено автоматическими средствами MS Excel (более насыщенный цвет соответствует большей доле респондентов с высоким уровнем проявленности установки).							

Разделение факторных значений на процентиля дает возможность выяснить, какие установки в отношении устойчивого развития локальных территорий наиболее выражены в зависимости от пространственной зоны и профиля активности населения. Для этого мы выделили три группы процентилей, условно обозначающие степень проявленности установки («высокая», «средняя», «низкая»). Далее сосредоточим внимание только на высоком уровне проявленности установок (табл. 5, 6).

В агломерационной зоне наблюдается своеобразное сочетание установок: высокая выраженность конформизма с приоритетом социально-экономических целей (87%), пассивного прагматизма (83%), локальной идентичности с готовностью к участию (78%) при низкой проявленности формирующей установки на проактивную позицию и ответственности за будущее (28%). Такая структура установок свидетельствует, что, с одной стороны, жители агломерационной зоны привязаны к месту проживания, ориентированы на решение социально-экономических проблем и готовы включаться в совместные действия, но, с другой стороны, склонны к конформизму, ориентированы на текущие проблемы и воспринимают ограничивающее воздействие административных барьеров. Другими словами, у жителей агломерационной зоны сформированы ценностные основания участия в практиках устойчивого развития (что соотносится с высокой

самооценкой активности и большим числом реализуемых практик), но они ограничиваются отсутствием долгосрочных ориентиров и внешними блокировками инициатив (как со стороны органов власти, так и в случае малого отклика местного населения).

Население ближайшего агломерационного окружения отличается высоким уровнем проактивной позиции и ответственности за будущее (64%), а также установкой на локальную идентичность и готовность к личному вкладу (39%). Выраженность установок на пассивный прагматизм (6,5%), конформизм и приоритет социально-экономических целей (19,5%) здесь одна из самых низких. В целом получается достаточно сбалансированная структура установок: жители ориентированы на долгосрочные результаты, готовы к совместным действиям и затратам своих ресурсов, лояльны к месту проживания и при этом не склонны переоценивать административные препятствия при реализации инициатив, понимают важность решения экологических вопросов, а также не нуждаются во внешнем импульсе со стороны ближайшего окружения.

Население ядер агломераций, схожее между собой по самооценке активности и числу реализуемых практик, различается по структуре установок. В Вологде установки, включающие проактивную позицию и ответственность за будущее (35%), конформизм и приоритет социально-экономических целей (33,5%), пассивный прагматизм (34,5%),

выражены примерно на одном, но невысоком уровне, тогда как установка, связанная с локальной идентичностью и готовностью к личному участию, проявляется заметно слабее (23%). Данное сочетание установок может говорить о некоторой отчужденности жителей административного центра от проблем развития своего населенного пункта: умеренная проявленность декларативных проактивных установок не находит достаточного выражения в реальной самоорганизации населения из-за сдерживающего влияния внешних институциональных барьеров, общей пассивности населения (конформизм в неактивной среде) и невысокой привязанности к территории проживания.

Среди жителей Череповца, напротив, достаточно сильно проявляется локальная идентичность и готовность к личному вкладу (39%), которая сочетается с проактивной позицией (40,5%) и чуть менее выраженным пассивным прагматизмом (32,5%). Установка на конформизм и приоритет социально-экономических целей здесь получила наименьшее распространение (15%). Такой профиль установок можно охарактеризовать как более благоприятный и потенциально более эффективный по сравнению с вологодским профилем. Привязанность жителей к месту проживания, готовность включаться в практики и тратить на них свое время, важность долгосрочных результатов, а также отсутствие избыточной ориентации на поведение большинства в совокупности создают условия для свободного участия в различных форматах гражданской активности. Однако для Череповца, как и для Вологды и агломерационной зоны, характерна заметная доля респондентов с высоким уровнем пассивного прагматизма, то есть институциональные барьеры и приоритет социально-экономических целей могут оказывать сдерживающее влияние и частично ограничивать активность населения, его включенность в практики устойчивого развития.

В городской и сельской периферии является низкая доля опрошенных с высоким уровнем проявленности большинства

установок, за исключением двух моментов. У жителей городской периферии сильнее других выражена установка на конформизм и приоритет социально-экономических целей (39,5%). Это означает, что они скорее будут следовать за большинством, чем проявлять инициативу, а реализуемые практики скорее будут социально-экономической, а не экологической направленности. Однако низкая проявленность остальных установок может говорить о несформированности целостного отношения к устойчивому развитию. Среди жителей сельской периферии отмечается умеренная распространенность проактивной позиции и ответственности за будущее (27%), но данная установка не подкрепляется ни локальной идентичностью, ни конформизмом, ни готовностью к личному вовлечению. Возможно, в условиях упрощенного уклада жизни и узкого круга социальных связей в малых поселениях осознание необходимости устойчивого развития остается на уровне абстрактных конструкций и не находит выражения в реальных практиках участия в жизни территории проживания.

Сравнение двух групп населения, выделенных по самооценке активности участия, показывает, что в группе активных граждан выраженность всех выделенных установок выше, чем в группе пассивных (табл. 6). Наибольшие различия (порядка 20 п. п.) фиксируются по установкам на проактивное поведение, локальную идентичность, конформизм и приоритет социально-экономических целей. Другими словами, активная позиция населения соотносится с более высокой сформированностью ценностных установок в отношении устойчивого развития. По установке на пассивный прагматизм разница между двумя группами меньше (около 10 п. п.), т. е. сомнения в возможности реальных изменений путем совместных действий из-за административных барьеров практически в одинаковой степени характерны для активных и пассивных жителей. Следовательно, сама по себе установка на пассивный прагматизм не является барьером для участия в практиках

Таблица 6. Высокий уровень проявленности установок относительно участия в устойчивом развитии локальных территорий в разрезе самооценки активности, %

Наименование установки	Самооценка участия				Самооценка участия (объединенные варианты)		Хи квадрат, V Крамера
	активное	скорее активное	скорее пассивное	пассивное	активное + скорее активное	пассивное + скорее пассивное	
Проактивная позиция и ответственность за будущее	46,9	47,2	34,1	19,7	47,2	27,7	$\chi^2 = 89,9$, $df = 2$, $p < 0,001$, $V = 0,247$
Локальная идентичность и готовность к личному вкладу	46,9	48,3	32,4	20,6	48,1	27,1	$\chi^2 = 63,4$, $df = 2$, $p < 0,001$, $V = 0,207$
Конформизм и приоритет социально-экономических целей	53,1	48,0	30,4	23,4	48,6	27,2	$\chi^2 = 66,6$, $df = 2$, $p < 0,001$, $V = 0,212$
Пассивный прагматизм (неучастие и приоритет внешних барьеров)	34,7	41,1	32,2	28,2	40,3	30,5	$\chi^2 = 13,7$, $df = 2$, $p = 0,001$, $V = 0,096$
Примечание: окрашивание ячеек в зависимости от степени проявленности установки выполнено автоматическими средствами MS Excel (более насыщенный цвет соответствует большей доле респондентов с высоким уровнем проявленности установок).							

устойчивого развития, а скорее лишь формирует особенности вовлеченности. Стоит обратить внимание на то, что внутри каждой из рассматриваемых групп выраженность установок практически совпадает и ни одна установка не доминирует над остальными.

Обсуждение результатов

Выявленная в исследовании структура установок населения в отношении участия в устойчивом развитии локальных территорий и особенности их проявления в разрезе активности и пространственной принадлежности позволили проверить выдвинутые гипотезы. В частности, подтверждена гипотеза о многомерности установок, включающих активные и пассивные составляющие. По результатам факторного анализа выделены четыре группы установок – проактивная позиция, локальная идентичность, конформизм, пассивный прагматизм. Данные установки во многом согласуются с выводами других исследований, показавшими, среди прочего, значимость привязанности к месту для готовности участвовать в добровольных действиях и проявления гражданской ответственности (Dang et al., 2022; Nie, Feng, 2026), роль самоидентификации с ло-

кальной общностью как ресурса активизма (Одинцов, 2020), ограничивающее влияние институциональных структур и отчуждения от власти в практиках гражданского участия (Петухов, 2014).

Оценка высокого уровня проявленности выделенных установок в разрезе типов территорий подтвердила гипотезу о пространственных различиях в структуре установок. Население агломерационной зоны отличается высокой проявленностью большинства установок при существенном отставании одной («проактивная позиция и ответственность за будущее»). Среди жителей ближайшего агломерационного окружения фиксируется доминирование двух установок («проактивная позиция и ответственность за будущее», «локальная идентичность и готовность к личному вкладу») при заметном западании других (конформизм и пассивный прагматизм). У населения ядер агломераций – Вологды и Череповца – структура установок более выровнена (лишь один немного западающий компонент: в Вологде это «локальная идентичность и готовность к личному вкладу», в Череповце – «конформизм и приоритет социально-экономических целей»), хотя сам по себе высокий уро-

вень проявленности установок ниже, чем в АЗ и БАО. В городской и сельской периферии ситуация кардинально отличается – здесь преобладает только одна установка (конформизм в ГП, проактивная позиция в СП) при значительном отставании остальных, что можно рассматривать как отсутствие целостного отношения к устойчивому развитию и в целом как абстрактность категории «устойчивость» для жителей периферии. Выявленные между пространственными зонами отличия в структуре установок имеют нелинейный характер и не сводятся к простому противопоставлению центральных и периферийных зон.

Нашла свое подтверждение и гипотеза о взаимосвязи установок с самооценкой активности. Среди населения, активно участвующего в практиках улучшения жизни в собственном населенном пункте, отмечается более высокая сформированность выделенных установок в отношении устойчивого развития. Структура установок в группах активных и пассивных граждан сбалансирована по долевному распределению (т. е. на каждую группу установок приходится схожий процент высокого уровня проявленности). При этом в обеих группах населения выражена установка на «пассивный прагматизм» (среди активных даже в большей степени – 40% против 30,5% среди пассивных), т. е. восприятие институциональных барьеров и приоритет экономических целей в равной мере присущи обеим группам жителей локальных территорий. Однако эта установка не блокирует участие, а скорее формирует специфику вовлеченности в практики устойчивого развития (регулярность, типы практик, решаемые проблемы и пр.), что требует отдельного изучения.

Следует отметить, что проведенное исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, региональный характер информационной базы (опрос населения одного региона). С одной стороны, это ограничивает возможность распространения выводов на другие территории и страну в целом, с другой стороны – позволяет отследить локальную специфику. Во-вторых, использование

кросс-табуляций не позволяет установить причинно-следственные связи между установками, самооценкой активности и типом пространственной зоны, однако показывает наличие выраженной статистической связи между ними. В-третьих, невозможность проследить динамику установок населения. В-четвертых, наличие вторичных нагрузок для некоторых утверждений, что может размывать границы между выделенными установками, но в то же время отражает сложность изучаемого вопроса. В-пятых, возможное влияние настроения, социально одобряемых ответов и других ситуативных факторов на ответы респондентов, что, однако, характерно для любых опросных методов. Также мы понимаем, что выделенные четыре установки могут не исчерпывать всего многообразия ценностных оснований, формирующих отношение населения к устойчивому развитию и определяющих его включенность в общественно полезные практики. Тем не менее они позволяют выявить ключевые измерения и задают вектор для дальнейших исследований.

Заключение

В ходе проведенного исследования была выявлена и проанализирована структура установок населения Вологодской области в отношении участия в устойчивом развитии локальных территорий, а также изучена связь установок с самооценкой активности жителей и пространственной принадлежностью территории с точки зрения агломерационного подхода. Эмпирически подтверждена многомерность данных установок и выделены четыре укрупненные группы: «проактивная позиция и ответственность за будущее» (т. е. ориентация на долгосрочные результаты, готовность к коллективным действиям, понимание эффективности совместных усилий разных акторов); «локальная идентичность и готовность к личному вкладу» (т. е. привязанность к месту проживания, готовность тратить личное время, готовность к неудобствам при реализации практик); «конформизм и приоритет социально-экономических целей» (т. е. ориентация на

поведение большинства, предпочтение социально-экономического развития экологическим задачам); «пассивный прагматизм» (т. е. восприятие институциональных барьеров, признание приоритета социально-экономических целей). Доказана взаимосвязь установок и самооценки активности: активное население демонстрирует более высокий уровень сформированности всех установок. При этом как среди активных, так и среди пассивных жителей значительно выражен «пассивный прагматизм». Кроме того, анализ в разрезе различных типов территорий, выделенных согласно агломерационному подходу, показал заметную дифференцированность проявленности установок. На наш взгляд, достаточно сбалансированное сочетание установок (высокая проактивность и локальная идентичность, низкий конформизм и пассивный прагматизм) сложилось в ближайшем агломерационном окружении и в меньшей степени в Череповце, однако причины формирования такой структуры требуют дополнительных исследований.

Полученные в ходе исследования результаты показывают, что для стимулирования участия населения в практиках улучшения

жизни в местах проживания необходимо не только обеспечивать удобные форматы и стимулы вовлечения, но и целенаправленно работать над созданием ценностных установок. В первую очередь важна работа по формированию проактивной позиции и локальной идентичности, особенно на периферийных территориях, где ценностные основания участия либо слабо сформированы, либо носят противоречивый характер. При этом важно учитывать, что пассивные граждане и жители отдаленных или депрессивных территорий требуют особого подхода, например через внешние стимулы (реализация конкретных проектов благоустройства с привлечением бизнеса и жителей, активная работа местных лидеров и региональных некоммерческих организаций, информационно-просветительская работа и пр.). Выводы исследования могут быть использованы органами власти, общественными организациями, экспертным сообществом при формировании и реализации мероприятий и проектов, направленных на обеспечение устойчивого развития локальных территорий и требующих активной включенности местного населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Алмакаева А.М., Настина Е.А. (2023). Базовые ценности и практики социального участия в России // Социологические исследования. № 6. С. 56–67. DOI: 10.31857/S013216250024228-3
- Артамонова А.С., Уханова Ю.В. (2021). Российский опыт развития социальных практик местного сообщества (на материалах Вологодской области) // Society and Security Insights. Т. 4. № 3. С. 89–101. DOI: 10.14258/ssi(2021)3-06
- Желнина А.А., Тыканова Е.В. (2019). Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. № 22 (1). С. 162–192. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.1.8
- Колпина Л.В. (2018). Гражданская активность населения старшего поколения на местном уровне // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 4. С. 293–308. DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.14
- Короленко А.В., Белехова Г.В., Косыгина К.Е. (2025). Экосистемы устойчивого развития локальных территорий: обзор теоретических подходов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 2. С. 230–246. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.13
- Одинцов А.В. (2020). Ресурс гражданского активизма локальных сообществ Волгоградской области // Социодинамика. № 4. С. 11–23. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.4.32528
- Петухов Р.В. (2014). Локальные сообщества и гражданский активизм // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4. С. 60–71. DOI: 10.14515/monitoring.2014.4.05
- Попов А.В., Соловьева Т.С., Короленко А.В., Груздева М.А. (2024). Города и сельская периферия современной России: ключевые тенденции и риски трансформации занятости в ракурсе

- пространственного развития территорий: монография; под ред. А.В. Попова; Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. 228 с.
- Смолева Е.О., Косыгина К.Е. (2024). Развитие малых городов: от индивидуальных траекторий к стратегическому планированию // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 169–183. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.9
- Ускова Т.В. (2020) Устойчивость развития территорий и современные методы управления // Проблемы развития территории. № 2 (106). С. 7–18. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.1
- Уханова Ю.В. (2021). Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах) // Проблемы развития территории. Т. 25. № 1. С. 88–107. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.5
- Шабунцова А.А., Уханова Ю.В., Косыгина К.Е. (2023). Гражданское участие молодежи в регионе: возможности и ограничения // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 26. № 1. С. 167–199. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.1.7
- Andriani L., Angelini P.P., Filippetti A. (2023). Civic engagement and socio-economic proximity in urban areas. *Spatial Economic Analysis*, 18(4), 437–461. DOI: 10.1080/17421772.2023.2180532
- Dang L., Seemann A.-K., Lindenmeier J., Saliterer I. (2022). Explaining civic engagement: The role of neighborhood ties, place attachment, and civic responsibility. *Journal of Community Psychology*, 50, 1736–1755. DOI: 10.1002/jcop.22751
- Dlouhá J., Vávra J., Pospíšilová M., Dvořáková Líšková Z. (2022). Role of actors in the processes of sustainable development at local level-experiences from the Czech Republic. *Frontiers in Sustainability*, 3, 888406. DOI: 10.3389/frsus.2022.888406
- Kiss B., Sekulova F., Hörschmann K. et al. (2022). Citizen participation in the governance of nature-based solutions. *Environmental Policy and Governance*, 32, 247–272. DOI: 10.1002/eet.1987
- Landa-Oregi I., Gonzalez-Ochoantesana I., Anaya-Rodriguez M. (2026). Understanding the engagement of citizens in the regeneration of urban spaces through human-centered design: A systematic literature review. *Cities*, 168, 106414. DOI: 10.1016/j.cities.2025.106414
- Mia M.T., Islam M., Sakin J., Al-Hamadi J. (2022). The role of community participation and community-based planning in sustainable community development. *Asian People Journal*, 5(1), 31–41. DOI: 10.37231/apj.2022.5.1.296
- Nie M., Feng T. (2025). Drivers of public participation in urban regeneration: An integrated choice and latent variable analysis. *Scientific Reports*, 16, 2472. DOI: 10.1038/s41598-025-32386-z
- Pawłowska B., Chmiel B., Szmelter-jarosz A. (2025). The impact of public participation on sustainable urban development in Poland. *Economics and Environment*, 92(1), 1–14. DOI: 10.34659/eis.2025.92.1.1032
- Ukhanova Yu.V. Kopytova E.D., Zhestyannikov S.G. (2024). Impact of citizen participation on solving the social problems of small regional towns in Russia. *Changing Societies & Personalities*, 8(1), 57–77. DOI: 10.15826/csp.2024.8.1.263

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Галина Вадимовна Белехова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: belek-galina@yandex.ru)

Belekhova G.V.

ATTITUDES OF THE VOLOGDA REGION POPULATION TOWARD THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF LOCAL TERRITORIES

Amid spatial differentiation, limited resources, and new challenges (demographic, geopolitical, climatic, and others), local residents are becoming one of the key actors in the transformation

of local territories. Accordingly, there is a growing need to activate public participation in the sustainable development of people's places of residence, which requires, among other things, an understanding of citizens' value-behavioral attitudes. The study aims to identify the structure of public attitudes toward participation in the sustainable development of local territories and to assess how pronounced they are depending on spatial belonging and level of activity. The information base is sociological survey data on the population of the Vologda Region ($N = 1,500$) collected in 2025. The study employs frequency distribution tools and factor analysis. A four-component structure of public attitudes is identified: "proactive stance and responsibility for the future", "local identity and readiness for personal contribution", "conformism and the priority of socioeconomic goals", and "passive pragmatism". Differences in the structure of attitudes across spatial zones are identified: the population of the immediate agglomeration surroundings, and to a lesser extent the residents of Cherepovets, show a more optimal combination of attitudes (high proactivity and local identity, low conformism and passive pragmatism); the population of the agglomeration zone is distinguished by a high expression of three attitudes alongside a marked lag in the "proactive stance"; residents of the urban and rural periphery demonstrate a weakly formed character of most attitudes (with the exception of conformism in the urban periphery and proactive stance in the rural periphery). It is shown that among the active (self-assessed) population, attitudes toward sustainable development are more pronounced. The study contributes to expanding scholarly understanding of the value foundations of public involvement in sustainable development practices.

Sustainable development, population, agglomeration, civic participation, factor analysis, local identity.

REFERENCES

- Almakaeva A.M., Nastina E.A. (2023). Basic values and practices of social participation in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 6, 56–67. DOI: 10.31857/S013216250024228-3 (in Russian).
- Andriani L., Angelini P.P., Filippetti A. (2023). Civic engagement and socio-economic proximity in urban areas. *Spatial Economic Analysis*, 18(4), 437–461. DOI: 10.1080/17421772.2023.2180532
- Artamonova A.S., Ukhanova Yu.V. (2021). Russian experience in developing social practices of the local community (based on materials from the Vologda Region). *Society and Security Insights*, 4(3), 89–101. DOI: 10.14258/ssi(2021)3-06 (in Russian).
- Dang L., Seemann A.-K., Lindenmeier J., Saliterer I. (2022). Explaining civic engagement: The role of neighborhood ties, place attachment, and civic responsibility. *Journal of Community Psychology*, 50, 1736–1755. DOI: 10.1002/jcop.22751
- Dlouhá J., Vávra J., Pospíšilová M., Dvořáková Líšková Z. (2022). Role of actors in the processes of sustainable development at local level-experiences from the Czech Republic. *Frontiers in Sustainability*, 3, 888406. DOI: 10.3389/frsus.2022.888406
- Kiss B., Sekulova F., Hörschelmann K. et al. (2022). Citizen participation in the governance of nature-based solutions. *Environmental Policy and Governance*, 32, 247–272. DOI: 10.1002/eet.1987
- Kolpina L.V. (2018). Civic activity of the older generation at the local level. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 4, 293–308. DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.14 (in Russian).
- Korolenko A.V., Belekhova G.V., Kosygina K.E. (2025). Ecosystems for the sustainable development of local territories: A review of theoretical approaches. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognozy=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(2), 230–246. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.13 (in Russian).
- Landa-Oregi I., Gonzalez-Ochoantesana I., Anaya-Rodriguez M. (2026). Understanding the engagement of citizens in the regeneration of urban spaces through human-centered design: A systematic literature review. *Cities*, 168, 106414. DOI: 10.1016/j.cities.2025.106414
- Mia M.T., Islam M., Sakin J., Al-Hamadi J. (2022). The role of community participation and community-based planning in sustainable community development. *Asian People Journal*, 5(1), 31–41. DOI: 10.37231/apj.2022.5.1.296

- Nie M., Feng T. (2025). Drivers of public participation in urban regeneration: An integrated choice and latent variable analysis. *Scientific Reports*, 16, 2472. DOI: 10.1038/s41598-025-32386-z
- Odintsov A.V. (2020). The resource of civic activism of local communities in the Volgograd Region. *Sotsiodinamika*, 4, 11–23. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.4.32528 (in Russian).
- Pawłowska B., Chmiel B., Szmelter-jarosz A. (2025). The impact of public participation on sustainable urban development in Poland. *Economics and Environment*, 92(1), 1–14. DOI: 10.34659/eis.2025.92.1.1032
- Petukhov R.V. (2014). Local communities and civic activism. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 4, 60–71. DOI: 10.14515/monitoring.2014.4.05 (in Russian).
- Popov A.V., Soloveva T.S., Korolenko A.V., Gruzdeva M.A. (2024). *Goroda i sel'skaya periferiya sovremennoi Rossii: klyuchevye tendentsii i riski transformatsii zanyatosti v rakurse prostranstvennogo razvitiya territorii: monografiya* [Cities and the Rural Periphery of Contemporary Russia: Key Trends and Risks of Employment Transformation from the Perspective of Spatial Development of Territories: A Monograph]. Vologda: VolRC RAS.
- Shabunova A.A., Ukhanova Yu.V., Kosygina K.E. (2023). Civic participation of young people in the region: Opportunities and limitations. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 26(1), 167–199. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.1.7 (in Russian).
- Smoleva E.O., Kosygina K.E. (2024). Development of small cities: From individual trajectories to strategic planning. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(5), 169–183. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.9 (in Russian).
- Ukhanova Yu.V. (2021). Collective practices and potential for civic participation of local community (sociological research in Russian regions). *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 25(1), 88–107. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.5 (in Russian).
- Ukhanova Yu.V., Kopytova E.D., Zhestyannikov S.G. (2024). Impact of citizen participation on solving the social problems of small regional towns in Russia. *Changing Societies & Personalities*, 8(1), 57–77. DOI: 10.15826/csp.2024.8.1.263
- Uskova T.V. (2020). Territories' sustainable development and modern management methods. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 2(106), 7–18. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.1 (in Russian).
- Zheltnina A.A., Tykanova E.V. (2019). Formal and informal civic infrastructures: Contemporary research on urban local activism in Russia. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 22(1), 162–192. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.1.8 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galina V. Belekova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: belek-galina@yandex.ru)